

20 октября 2015 года аналитическая группа «Кипр» и Фонд Сорос-Казахстан провели круглый стол, посвященный вопросам эффективности использования средств Национального фонда – с учетом падения цен на сырье и кризисных явлений в мировой экономике.

В рамках обсуждения казахстанский экономист Касымхан Каппаров представил свою исследовательскую работу, выполненную при поддержке Фонда Сорос-Казахстан.

Эксперты обратились не только к теме эффективности использования средств, но также и к теме эффективности управления. Более того, коснулись необходимости такого фонда для эффективного развития страны. Поставлен также вопрос: что потеряла казахстанская экономика при модели, в которой избыточные доходные средства направлялись не на решение текущих задач, а откладывались на будущее? Отметили участники заседания и непрозрачность расходования средств фонда и недочеты нормативно-правовой базы, регламентирующей его деятельность и связанные с ней вопросы.

Соответственно, в предложениях прозвучало, что более полная и доступная отчетность могла бы повысить прозрачность работы фонда, а отдельный закон – более четко регламентировать вопросы и управления активами и их расходования. Эксперты отметили также, что в управлении фондом и контроле над его расходованием не хватает альтернативного, общественного и экспертного включения.

Круглый стол
«Эффективность использования средств Нацфонда РК: пути повышения»
Стенограмма

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Сегодня мы обсуждаем интересную и важную тему. Наш спикер Касымхан Каппаров представит свою точку зрения по эффективности распределения средств Нацфонда на базе своего исследования. К сожалению, не присутствуют представители государственных органов. Мы пригласили Министерство национальной экономики, Министерство финансов, Нацбанк, Комиссию по эффективности расходования средств Нацфонда. Долго шел переговорный процесс, в конце концов они сослались на занятость и сегодня не присутствуют. Хотя, думаю, причина не в занятости, а в том, что нет четкой позиции по вопросу.

Сегодняшний наш проект мы делаем в партнерстве с Фондом Сорос-Казахстан. Прежде чем мы начнем, хотел бы предоставить слово Антону Артемьеву.

Антон АРТЕМЬЕВ, председатель правления Фонда Сорос-Казахстан:

Мы в 2003 году начали поднимать вопросы прозрачного, подотчетного и эффективного управления Нацфондом. Поддерживали разнообразные исследования в этой сфере. Некоторые из наших рекомендаций в сфере прозрачности со временем были приняты на вооружение. Но многие из них пока по-прежнему остаются для экспертной дискуссии.

В то же время сейчас, в эпоху экономической нестабильности, экономического кризиса вопросы управления Нацфондом приобретают особое значение. Эта работа Касымхана Каппарова была поддержана нашим Фондом в рамках инициативы «Публичная политика».

Касымхан КАППАРОВ, экономист, директор Национального бюро экономических исследований, спикер:

Это исследование было начато в прошлом году после девальвации, когда было принято решение о выделении очередного транша из Нацфонда. Как показала практика последнего года, тема является актуальной, и основные выводы подтвердились в течение этого года.

Итак, Национальный фонд в контексте экономики Казахстана. Экономика РК все больше зависит от минеральных ресурсов, экспорт которых вырос с 1995 года – тогда они составляли половину всего экспорта, в 2013 г. – более 2/3. Зависимость экономики от экспорта повысилась с 30 до 60% за последние 15-18 лет.

Экспорт минеральных продуктов составляет 47% ВВП. Если упадет цена на нефть или мы лишимся такого экспортного потенциала, то активов Нацфонда хватит на то, чтобы закрывать эту брешь в течение одного года.

Поступления Нацфонда за все время его существования составили более \$140 млрд, из них \$53 млрд мы использовали. С учетом инвестиционного дохода за этот период – \$14 млрд – средний доход Нацфонда составил 4%, что на международном уровне считается неплохим показателем.

Изначально Нацфонд создавался с двумя функциями:

1) Сберегательная. То есть размер Нацфонда должен составлять не менее 30% от ВВП. В случае снижения данного показателя все выплаты из Нацфонда должны приостанавливаться.

2) Стабилизационная. Средства из Нацфонда ежегодно выделяются в виде гарантированного трансферта в бюджет. Данный трансферт составляет \$8 млрд +/- 15% в зависимости от экономического роста.

По размерам Нацфонд равен годовому бюджету. То есть ежегодные поступления в 2013 году были равны поступлениям в республиканский бюджет. Это значит, что всю расходную часть бюджета можно было увеличить в два раза, если бы у нас не было Нацфонда и все средства направлялись напрямую.

Основной целью Нацфонда является обеспечение экономической стабильности, то есть проведение контрциклической экономической политики, когда поступления бюджета падают. А также в целях стимулирования диверсификации экономики и развития альтернативных отраслей.

Существуют три канала, по которым могут расходоваться средства Нацфонда:

1) Гарантированные трансферты. Они не зависят от закона, они прописаны в Бюджетном кодексе. Средний показатель 8 млрд в год +/- 15%, но наше правительство на протяжении последних нескольких лет использует право увеличить объем этих трансфертов. То есть ежегодно из Нацфонда в бюджет перечисляется \$9,2 млрд. Это фиксированный объем, больше него правительство не может по этому каналу брать деньги из Нацфонда.

2) Расходы, связанные с работой самого Нацфонда. Управление активами, инвестиции, выплата зарплаты управляющим. В среднем в год за последние 6 лет эта цифра составляет \$50 млн. Это не много, если считать в процентах от активов.

3) Целевые трансферты. Они выделяются по решению президента республики в зависимости от целей, которые он определяет. В законодательстве нет четких критериев, на что могут выделяться целевые трансферты.

Гарантированный трансферт покрывает 25% от расходов республиканского бюджета. Например, все расходы на образование, здравоохранение, ЖКХ, культуру и спорт покрываются одним таким трансфертом ежегодно.

В презентации показано, как граждане Казахстана должны относиться к Нацфонду. На каждого гражданина РК, включая детей, в среднем приходится \$4300, находящихся в Нацфонде. Для сравнения внешний долг на душу населения в Казахстане составляет \$4500, исключая межфирменную задолженность. То есть активы Нацфонда просто позволяют нам расплатиться с нашими долгами.

Вы видите на слайде цитату из выступления президента о том, что он запрещает использовать деньги из Нацфонда на строительство новых объектов, а также поддержку и субсидирование плохо работающих предприятий. Данное решение не является неожиданным, потому что функция стабилизации Нацфонда начинает работать, когда его активы составляют менее 30% от ВВП, что мы и наблюдаем в данном случае. Это было прописано с 2010 года. Но запрет касается только целевых трансфертов и не касается гарантированных ежегодных трансфертов. По-прежнему ежегодно из Нацфонда будет выделяться \$8-9 млрд в бюджет.

Так как сейчас имеется запрет на поддержку и субсидирование плохо работающих предприятий, то косвенно это подтверждает, что такие средства выделялись.

Основная проблема в управлении Нацфондом состоит в том, что решения по выделению средств из этого второго бюджета принимаются разово и не системно. Что отрицательно влияет на то, как инвесторы и экономические агенты рассматривают Нацфонд. Теоретически это подушка безопасности, но как она будет работать, в какие моменты, что будет являться триггером для выделения средств из Нацфонда – для всех загадка.

Целевые трансферты из Нацфонда выделялись несколько раз. Первый раз после кризиса 2008-2009 годов, тогда в среднем на каждого жителя страны было выделено \$625. Общая сумма составила \$10 млрд, на тот момент 1/3 всего Нацфонда.

60% выделенных средств были направлены на поддержку банковского сектора, в основном поддержка шла банку БТА, который был в дефолтном состоянии в то время и в итоге объявил дефолт – задача не была выполнена. 60% от строительства инфраструктуры было направлено на строительство курорта Чимбулак, для проведения Азиады. Насколько это экономически эффективный проект, направленный на долгосрочное развитие, это вопрос.

В то же время плохие кредиты составляли 30% активов банков. Кредитование банков снизилось с 45% в 2009 г. до 33% в 2013 г. Первый целевой трансферт 2009 года не выполнил свою роль по перезапуску экономики, что в дальнейшем и было подтверждено. Президент выступил с заявлением, что было потрачено \$10 млрд и резонно спрашивал, где эти деньги.

Следующий целевой трансферт в 2014 году в среднем на душу населения составил \$310. Абсолютная величина была \$5,5 млрд или 8% от фонда. При выделении этого трансферта цена на нефть составляла более \$100. То есть не было внешних факторов для выделения этих средств. То есть этот трансферт – продолжение трансферта 2009 года, который не сработал и был направлен на закрытие проблемных кредитов в банках. Также он был направлен на проведение ЭКСПО и аэропорт Астаны. Насколько он был направлен на решение долгосрочных задач – тоже вопрос.

Вместе с тем проблемные активы за счет этого трансферта в банковской системе были снижены с 34% до 15% (до последней девальвации). В 2014 году был выделен трансферт на программу «Нурлы Жол», его будут выдавать с 2016-2018 годов, ежегодно по \$3 млрд, то есть \$9 млрд на строительство дорог, линии электропередач, жилищной инфраструктуры.

В данном трансферте нет поддержки банковского сектора. Вместе с тем есть расходы на образование – это менее 10% от суммы трансферта.

\$180 млрд – это цель правительства по Нацфонду к 2020 году, она прописана в концепции. В 2010 году данная цель ставилась с учетом того, что Кашаган заработает, сохранится высокая цена на нефть, не будет таких сильных кризисных явлений, которые мы сейчас наблюдаем.

По результатам моего исследования выходит, что даже если цена на нефть в следующие 5 лет будет \$94 за баррель, то активы Нацфонда составят около \$133 млрд. Если цена на нефть будет \$66, то активы Нацфонда составят \$86 млрд. Сейчас они составляют \$76 млрд.

По результатам эконометрического моделирования, в зависимости от цены на нефть прирост или снижение цены на \$1 ведет к увеличению/снижению поступлений в Нацфонд на \$280 млн. В прошлом году цена на нефть составляла \$110, в этом – около \$60. Недопоступление в Нацфонд за этот год составит порядка \$15 млрд. Это та сумма, которую экономика страны должна получать из других источников, в большей степени это долговые обязательства.

Положительные поступления в Нацфонд возможны при цене 30\$ за баррель, если стоимость нефти ниже – в наш Нацфонд не будет поступать выручка.

Почему есть риск того, что средства, выделяемые из Нацфонда, ведут не только к позитивным, но и к негативным изменениям. В экономике есть понятие морального риска, это когда у вас есть богатый дядя, у которого вы всегда можете занять деньги. Соответственно, у вас нет стимула учиться, делать карьеру, зарабатывать, вставать на ноги самим. То же самое происходит у нас с 2000 года, когда правительство при возникновении кризисных ситуаций всегда имеет возможность разбить копилку и взять займы у Национального фонда под 0,1% в тенге на 20 лет. Понятно, что это невозвратные деньги.

Еще более тревожно, что данная тенденция распространяется не только на госсектор, но и

транслируется в бизнес. То есть банки и промышленные предприятия начинают смотреть на государство вместо того, чтобы повышать свою эффективность. И при любом социальном кризисе люди всегда будут смотреть на богатого дядю и просить его о помощи.

По всем трем трансфертам, которые выделялись из Национального фонда, не было ни одного заседания в Парламенте, общественных слушаний. В мировой практике принято проводить референдумы, если публичные, бюджетные средства выделяются в особо крупных размерах.

Основные принципы, по которым выделяется целевой трансферт в соответствии с нынешним законодательством:

1. Он должен проходить через республиканский бюджет, не направляется напрямую в проект.
2. Цели, на которые он направляется, определяются президентом РК.
3. Существует принцип окупаемости, но также он может инвестироваться в социальные проекты, если они признаны социально значимыми.

Целевой трансферт может использоваться на кредитование юридических/ физических лиц, фондирование банков второго уровня, использование активов в качестве обеспечения и исполнения обязательств, покупка ценных бумаг и акций и долей участия.

Основные проблемы:

1. Неэффективность действующих законодательных норм. Не прописан четкий критерий, на что могут быть использованы средства Нацфонда. Экономические агенты не понимают, в каких случаях государство будет использовать средства фонда.
2. Контроль над использованием средств Нацфонда. Он не систематизирован, не институционализирован. У нас есть совет, комиссия, но пока мы не видим системного подхода к прозрачности расходования средств.
3. Использование видов нормативно-правовых актов. Сейчас Нацфонд в своей деятельности регулируется только указами президента. Деятельность Нацфонда не закреплена ни в одном из законов, кодексов, ни в Конституции. Что говорит о том, что роль Нацфонда является временной, и он может быть упразднен в любое время.
4. Институционализация деятельности фонда. В данный момент он существует в виде счета в Министерстве финансов, которым управляет Национальный Банк.

Ежегодные расходы на Нацфонд в размере \$50 млн позволяют создать отдельную организационную структуру, которая будет осуществлять управление средствами Нацфонда, инвестировать и отчитываться в Парламенте.

Полный текст исследования доступен для скачивания [здесь](#).

Марат ШИБУТОВ, политолог:

Насколько я помню, последний отчет о том, куда были вложены средства Нацфонда, публиковали в 2009 году. После этого ни одного публичного отчета не было. С той поры мы не знаем, в какие бумаги, облигации у нас был вложен Нацфонд, какая у них доходность. Мы имеем только табличку на сайте Национального банка, где написано «Резервы Нацфонда», и больше ничего.

У нас есть некая структура из непонятно каких людей, которых тоже никто не описывал, и они получают содержание примерно 13,5 млрд тенге. А это стоимость содержания Парламента, хорошего министерства, которое получает за это огромные деньги и которых мы вообще не знаем и непонятно, куда девается наш Нацфонд. Потому что цифра, которую вы приводили, она же балансовая, это нереальные деньги. Там в реальности денег может быть в 2-3 раза меньше.

Касымхан КАППАРОВ:

Я замечу, что мое выступление больше фокусировалось на поступлениях в Нацфонд. По части расходов я могу высказать свою точку зрения. Прозрачность распределения является основой всех суверенных государственных фондов. И не все фонды открывают свои

инвестиционные стратегии, это понятно. Чтобы не поднимать или опускать цены на рынке. Информация, в какие классы активов инвестирует фонд, обычно является общественной.

Марат ШИБУТОВ:

Насколько я помню, у нас есть 8 различных ведомств, которые проверяют деньги, выделенные государством подрядчикам: Счетный комитет, Комитет Минфина, агентства, КНБ, Служба расследований комитета госдоходов, прокуратура. Которые за любое нарушение устраивают жесткое изнасилование подрядчику буквально за 100 тенге. А Нацфонд никогда не проверялся же. Именно по целевым трансфертам не было ни одной проверки, ни Счетного комитета, никого.

Касымхан КАППАРОВ:

Счетный комитет – наиболее полномочный орган для проверки деятельности Нацфонда. В 2010 году были внесены изменения по функциям Счетного комитета в следующей редакции: «Осуществляет контроль за использованием средств Национального фонда». Однако до этого председатель Счетного комитета Омирхан Оксикбаев предлагал редакцию «контроля за формированием и эффективным управлением Нацфонда». Получается, Счетный комитет может контролировать только фактическое использование Нацфонда, но не проверяет формирование и эффективное управление. Это одна из проблем, которая не решена на законодательном уровне.

Марат ШИБУТОВ:

А сами проверки были? Целевых трансфертов?

Касымхан КАППАРОВ:

Проверки использования проводятся, но в том же формате, как и любая проверка об освоении бюджетных средств.

Марат ШИБУТОВ:

Когда проводится любая проверка бюджетных средств, обязательно, когда есть нарушения, об этом говорится в отчетах, кого-то сажают. А с 2010 года потрачено \$50 млрд, и ничего. Интересно, почему такая позиция? С деньгами Нацфонда получается: что хочешь, то и делай.

Касымхан КАППАРОВ:

Здесь есть расхождение. Когда средства Нацфонда поступают в бюджет, мы этого не видим. Другое дело, когда мы средства передаем в «Самрук-Казына». Там Счетный комитет уже не имеет юрисдикции, потому что «Самрук-Казына» не проходит по закону о закупках при поддержке банков.

Канат НУРОВ, президент Научно-образовательного фонда «Аспандау»:

Управление средствами Нацфонда и использование средств – это разные вещи. Когда мы говорим об управлении активами, речь о том, что вы должны сравнивать эти 50 млн на содержание – даже наверное и сотой процента не будет и 4% доходности. А когда мы говорим об использовании, то это совсем другие институты, процедуры, совсем другая вещь. Нужно эти вопросы разделять и разговаривать об одном и том же, а не о разных вещах.

Баян ШАПАГАТОВА, ДВА (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

Я 10 лет проработала в Национальном банке, и скажу, что проверки проводились со стороны минфина, Счетного комитета, прокуратуры. Единственное, могу сказать, что прозрачности нет и результаты не публикуются. Все, что было, категорически за стены

выносить не разрешается. То есть сказать, что управление Нацфондом не проверялось, это будет не совсем правильным, не совсем корректным. Возможно, оно проверялось недостаточно компетентно. То есть те же сотрудники Счетного комитета не компетентны во многих вопросах, касающихся управления активами. Они не в состоянии иногда даже правильно оценить качество управления и т. д.

Для сравнения. Кувейтский Национальный фонд является акционерным обществом. В совете директоров из пяти трое – представителя частного сектора. Если мы говорим о Национальной корпорации Южной Кореи, которая тоже является суверенным фондом благосостояния, то там из 9 членов – 6 независимых профессионалов из частного сектора. В нашей ситуации комиссия, которая занимается контролем управления Национального фонда, полностью состоит из представителей государственного сектора, которые ограничены, присутствует конфликт интересов. Нет независимого мнения, нет независимой экспертизы. Нам нужно включить в состав комиссии представителей частного сектора. Этот момент, возможно, даст импульс прозрачности.

Канат НУРОВ, президент Научно-образовательного фонда «Аспандау»:

Помните, в 2008 году был глобальный финансовый кризис. Было резкое обесценение всех ценных бумаг. Естественно, была проблема, все боялись, насколько эта реальная стоимость сохранена. Я знаю людей, которые предприняли необходимые меры и из этой ямы более или менее выбрались. Но что касается текущей рыночной стоимости ценных бумаг, там проводится аудит, можете не беспокоиться. И балансовая стоимость близка к текущей рыночной стоимости, и надо говорить только об использовании балансовых средств, а не об управлении активами.

Баян ШАПАГАТОВА:

С этой точкой зрения совершенно согласна, что оценка стоимости верная. Единственное, вопрос об эффективности управления вызывает сомнения.

Для сравнения, если мы говорим, что накопленная доходность была около 5,3%, то доходность Национального фонда Норвегии – 15%, то есть в три раза выше при примерно одинаковом инвестировании.

Касымхан КАППАРОВ, экономист, директор Национального бюро экономических исследований:

Действительно, есть Комиссия по контролю за расходованием средств, выделенных из Нацфонда, которая должна проверять эффективность использования. В ней есть представители от Ассоциации предпринимателей и от Ассоциации финансистов. Понятно, что здесь прямой конфликт интересов, потому что это сектора, которые получают больше всего поддержки из Нацфонда.

Баян ШАПАГАТОВА:

Когда я приводила примеры по Кувейтскому и Южнокорейскому фонду, я имела в виду именно совет по управлению.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Давайте будем говорить об эффективности использования средств Нацфонда сейчас. Либо мы говорим об управлении. Надо развести эти вопросы по уровням.

Относительно этой комиссии – это пчелы против меда.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

Почему я слышу «наш Фонд»? Вы никакого отношения к Фонду не имеете. Все время говорится слово «Фонд», давайте вернемся к указу президента 2000 года, там написано: «Национальный фонд представляет собой денежные средства и ценные бумаги,

концентрируемые на счетах правительства РК и управляемые Национальным банком». Никакого фонда нигде нет. Есть специальный счет, открытый в казначействе РК, прямым распорядителем которого является правительство РК в лице премьер-министра, куда концентрируются поступления, проходящие через поступательную часть бюджета.

Из этого создать совет управляющих фонда, эффективные системы управления невозможно. Фонд – это отдельное юридическое лицо, которое имеет свою систему, свой риск-менеджмент. Национальный фонд РК – это остаточные средства на счету правительства РК. Из этого правительство РК само делает предложение президенту для предъявления расходования, само себя контролирует. И нет никаких пчел против меда – кто немножко меда собрал, тот немножко меда сожрал. Что осталось, отложили не вам, и никогда не говорите, что это ваш Национальный фонд.

Давайте вернемся к юридической сути. Касательно качества управления фондом, я здесь согласен с вами в том, что мы не можем оценить качество управления, потому что аудиторский отчет каждый год проводится, каждый год выбирается одна из большой четверки. Национальному банку хватило ума приглашать не специалистов-аудиторов, которые аккредитованы в РК, а брать международную четверку из головных офисов. Но аудиторские отчеты не раскрывают самого главного – структуры портфеля. Здесь тоже можно говорить о том, что она не раскрывается с целью недопущения игры на понижение или повышение тех или иных бумаг, которые составляют портфель. Но также нужно говорить о том, что аудиторский отчет хотя бы в общих выводах – это всего лишь квалифицированное мнение тех или иных специалистов.

Касательно расходов фонда. Комиссия, которая создана по контролю за расходованием средств, куда входят представители генеральной прокуратуры – простая маленькая бичевка, которой можно пригрозить, если сильно будет украдено. А если не сильно – то и ладно. Смотря, кем. Система допуска до кражи.

А вот эффективность управления нужно разделить, 4% доходности очень хорошо, при том, что наши банки дают 1,5% на депозиты.

А расходование – такая широкая тема, которую вы взяли. Первый, самый основной вопрос – нигде никогда не публикуется итоговый отчет об использовании конкретных трансфертов. Допустим, в 2009 году выделили \$10 млрд банкам, им же выделили на 15 лет. Они еще не истекли и определить их эффективность невозможно, потому что нет итогов использования. Деньги невозвратные, они поступили в Фонд «Самрук-Казына», а он эти депозиты под целевые программы выделил банкам. При этом последний банк, который упомянули, лишился лицензии и просто стал структурным подразделением «Казкоммерцбанка».

Соглашение о разделе активов между БТА и «Казкоммерцбанком»: весь мусор слили туда, где отобрали лицензию; а вроде как сливки перелили в «Казкоммерцбанк». И сразу после этого он подписывает соглашение о выделении 300 млрд тенге для инвестирования в малый и средний бизнес. Опять же декларация, меморандум, а живых денег как не было, так и нет.

Стоимость фонда достаточно объективна, потому что аудиторы проверяют. Вопрос в том, что мы не видим отчетов о движении. По золотовалютным запасам периодически хоть Нацбанк публикует, при изменении курса доллара и стоимости золота мы видим динамику тех или иных цен. Мы можем ее проследить по выступлениям Нацбанка.

В отношении фонда этого не делается, потому что, скорее всего, там долгосрочные бумаги. И кризис 2007-2008 годов научил выжидательной позиции, потому что с любыми долгосрочными бумагами нужно терпение, а не жадность.

Из доклада Касымхана непонятна цель исследования. То, что это плохо, мы все знаем. Что дальше будет еще хуже – это еще лучше мы знаем. Наш президент уже объявил, и теперь можно говорить слово «кризис» вслух. Мы теперь будем говорить, что кризис есть, через некоторое время кто-нибудь объявит, что мы прошли кризис. Это не наш с вами фонд, и говорить о нем нужно только как об остаточных денежных средствах на счетах правительства.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Здесь можно немножко поспорить с тем, наш фонд или не наш. Да, организационно-правовая форма важна. Это юридические моменты. Но мы говорим о той ситуации, которая есть сейчас, и как это должно быть правильно. Несмотря на все юридические моменты, этот фонд называется Фондом будущих поколений, об этом сама власть тоже говорила. Мы говорим по сути вопроса. Есть фонд, который собирается с доходов от продажи минерального сырья, нефти, которые расположены в нашей стране. Есть нефть, которая принадлежит стране, населению, которое здесь живет.

По-вашему получается, мы не имеем права и пусть они как хотят, так и тратят эти деньги, выводят их. Это абсолютно не правильная и не гражданская постановка вопроса. Надо закрыть этот вопрос.

Канат НУРОВ, президент Научно-образовательного фонда «Аспандау»:

Думаю, каким образом закрыть этот вопрос. Руслан прав, организационно-правовая форма не та, которую хотелось бы, не корпоративная.

Слово фонд имеет два значения:

1. Денежный резерв.
2. Организация.

Да, не существует обособленных нужд. Если есть счета и есть эти резервы, возникает вопрос о необходимости управления корпоративного и организационно-правового пункта. Но если не будет счетов, а будет чисто корпоративная форма и ничего больше, никакого управления-то не надо. На самом деле конституционально Нацфонд существует. Есть его цели, назначения. Но если не будет организационно-правовой формы, которая обязывает их к отчетности и прозрачности, это другой вопрос.

На самом деле Нацфонд есть, и он наш.

Денис КРИВОШЕЕВ, «Деньги, вперед»:

Меня вообще пугает слово «упорядочивание» в РК, потому что это всегда заканчивается посадками лет на 10.

За последние годы, как только этот фонд образовался, никто не ставил перед собой вопрос, что стоили нам на самом деле эти изъятия. Нам все это время нам объявляют дефицит в бюджете, но бюджет-то профицитный все эти годы. Мы сами у себя забираем деньги: не построили дороги, не развили ж/д-транспорт, самолеты, ничего не сделали, но копили.

Каждый раз, когда мы накапливали определенную сумму, происходил всплеск, мы эти деньги сливали. В 2009 году – банкам, сейчас вообще непонятно, кому мы все это подарим. Получается, что мы копим деньги Нацфонда на похороны. Так и получается. Прежде чем Нацфонд испарится, закроется. И никто не даст качественную оценку, чего нам на самом деле это стоило. А стоило это следующего: отвратительное образование, невыносимые условия транспортные, неразвитая промышленность. За счет того, что мы забирали у себя деньги, мы не имели возможность инвестировать и реинвестировать эти деньги в экономику. Богатейшая страна Израиль ведь не задумывалась о том, чтобы создавать подобный фонд. И даже те страны, о которых вы говорите, начинали формировать подобные институты только после того, как решали базовые проблемы государства.

Для чего мы все эти годы копили, я так и не понял. Астану построили, но я ответ на этот вопрос хотел бы услышать от исследователей. Что мы потеряли, когда начали откладывать?

Все крупные капиталистические страны живут в долг, потому что их принципиальная задача стоит решать проблемы своих людей здесь и сейчас. Обеспечивать их здесь и сейчас. А мы постоянно живем волшебными цифрами того самого года, где мы ничего в общем-то и не увидим.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Если бы эти деньги не отложили, при том качестве государственного управления, которое есть, их бы просто распилили. Вы говорите о капиталистических западных странах, но там есть четкие устоявшиеся институты демократии, институты гражданского общества, и там деньги просто так не выведут. У нас достаточно посмотреть данные Счетного комитета: Азиаду провели – после этого пошли посадки, ЭКСПО еще не провели – уже посадки начались, все большие грандиозные проекты, в том числе на региональном уровне, заканчиваются посадками. Если бы эти деньги не отложили, их бы вообще не было.

Этот вопрос интересен с точки зрения моделирования – что потеряли, какая могла бы быть альтернатива. У нас деньги попадают из Нацфонда в бюджет и становятся обезличенными. Помните, в 2000 годах все время не хватало ГСМ на посевную, потому что их воровали. Потом стали красить 76-й, 80-й бензин, они были красного или фиолетового цвета. Это значило, что бензин предназначался для посевной. В то время достаточно было уехать в дальнюю область и все заправки заправляли красным бензином все равно. Завоза стороны не было, а бензин был и весь оранжевый. Здесь то же самое.

Даже если бы мы эти деньги маркировали внутри бюджета, они бы точно также расходились.

Денис КРИВОШЕЕВ:

Вопрос – как бы их разворовали. Может, в результате строительства дорог – половина дороги бы появилась. А сейчас «Нурлы Жол» – это запоздалая реакция на вызовы позавчерашнего дня.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

В развитых странах начинают откладывать только тогда, когда профицит бюджета начинает превышать годовой бюджет страны.

Деньги, которые поступают из Нацфонда в бюджет, никогда не обезличивают. Республиканская бюджетная комиссия, прежде чем утвердить сумму трансферта, обязательно списывает все до копейки. При утверждении годового республиканского бюджета и их корректировке весь трансферт расписывается в бюджете.

Шамиль ДАУРАНОВ, экономист:

Все деньги, получаемые страной за счет разницы в ценах на сырье, – это не трудовые доходы. Если это сделать, то курс тенге был бы выше, чем доллара. Но у нас бы никакого экспорта и развития не было бы. Мы бы жили за счет импорта.

Эта идея правильная, она испытана в мире. Ее предлагали международные финансовые организации, которые знают, что такое сбалансированная экономика. А то, что наши люди много управляли и куда они уходили, это вопрос другой.

Когда в 2003 году образовался наш фонд, у Норвегии было \$50 млрд накоплений, мы начали резво. Но сейчас Норвегия уже к триллиону подходит, а мы про эти \$200 млрд говорим и говорим.

В то же время цена на нефть составляла \$25 за баррель, а потом она доросла до \$150. Говорили про 4,5% – как минимум только за счет роста цен активы должны были увеличиваться на 10% за год. Мы строили Астану, теперь львиную часть трансфертов тратим на то, чтобы содержать эти здания. Мы только нарастили ком государственных затрат.

Баян ШАПАГАТОВА, DBA (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

В тот момент мы, государство, просто не созрели правильно их использовать. Если бы не сделали эту стерилизацию избыточной денежной массы, у нас были бы проблемы совершенно другого порядка.

С другой стороны, те трансферты, которые мы использовали, были недостаточно верно использованы.

Константин ПАК, экономист, генеральный директор торговой площадки Mr.kz:

Информация по структуре фонда есть. За 2014 год есть структура по валюте, по управляющим, по портфелю. Я думаю, исследование Касымхана будет полнее, если он ее получит, готов предоставить.

Баян ШАПАГАТОВА, DBA (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

Поднимают отчеты Нацбанка, там с 2013 года была вся структура.

Петр СВОИК, председатель Алматинской общественной антимонопольной комиссии:

Это президентский фонд, он сознательно не подведен под парламент, сознательно не вовлечен в бюджетные механизмы. Это нормальный Национальный фонд, как совокупность счетов правительства. Он расходуется по решению президента, правительства РК. То есть это нормальная концепция. Не факт, что если парламент будет в него включаться, то он начнет работать лучше.

Спикер упомянул, что среди целевых трансфертов началась и программа «Нурлы Жол». Я думаю, тут надо четко акцентировать, что до нее Нацфонд работал всегда в накопительном режиме, из него иногда брали деньги, например, в 2009 году. В ноябре 2014 года был максимум – 76,84 млрд долларов, с тех пор каждый месяц шел минус, в октябре 2015-го чуть меньше 68 млрд, итого израсходовано порядка 9 млрд. С Нацфондом под программу «Нурлы Жол» произошла принципиальная трансформация. И теперь зачем он нужен? Сама идея Нацфонда – это отсечение некоторой части валютной сырьевой выручки еще до входа в национальную экономику. А почему ее так много? Зачем так много добывать, чтоб потом отсекал, стерилизовать, чтобы перегрева не было? Если Казахстан – страна, из которой надо как можно больше добыть и увезти, тогда Нацфонд нужен. То есть он нужен для колониальной сырьевой эксплуатации территории добычи и вывоза полезного сырья. Местным людям этот валютный избыток не нужен. Это колониальность.

Хватит ли Нацфонда до 2020 года? Это дополнение к вашей презентации.

Баян ШАПАГАТОВА, DBA (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

У нас не расходная, а инвестиционная составляющая. Основная роль в проведении инфраструктурных проектов принадлежит государству, потому что ни одному бизнесу не будет интересно создавать такие крупные, тяжелые, дорогостоящие и неприбыльные проекты, как строительство дорог или электростанций.

То есть бизнес на свои же налоги получает больше инфраструктуры, улучшается климат и еще больше генерирует дохода и налоги, которые опять вкладываются. То есть эта инфраструктурная задача и административная роль – у государства. Сейчас у фонда эта роль усилилась.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Инфраструктура должна развиваться опережающими темпами повышения экономики, тогда бизнесу выгодно будет подключаться, строить предприятия. Это ясно.

Вопрос в том, какие предложения есть, чтобы эти деньги не разворовали.

Марат ШИБУТОВ, политолог:

Развитые страны живут в долг именно за счет того, что неразвитые страны создают Нацфонды и покупают облигации развитых стран. Мы когда начинаем дружить – покупаем облигации, а это деньги Нацфонда.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

Деньги инвестиционные, а \$13 млрд на развитие инфраструктуры взяли у Китая, но не из Нацфонда. Дорога «Шелковый путь» строится на деньги Всемирного банка, мы инвестируем всего 10%. Потом странный кредит, полученный в Кипре на \$3 млрд. Зачем мы тогда все деньги берем? Китаю за обслуживание этого займа мы должны будем вернуть \$17,5 млрд.

Петр СВОИК, председатель Алматинской общественной антимонопольной комиссии:

Вопрос не в том, что кончаются деньги у бюджета, у предприятий. Главное, что в Казахстане закончился инвестиционный процесс. Инвестиций нет сейчас. Профицит платежного баланса заканчивается, и его не удастся поддерживать.

Мы должны иметь национальные источники инвестирования, если их не будет, мы никакой кризис не переживем. Это прежде всего Нацфонд, он для того есть, чтобы сегодня создавать точки роста, которые бы повышали экспортную точку Казахстана, которые бы замещали затраты на импорт. Нужна другая инвестиционная база и другой инвестиционный план.

Программа ФИИР была правильно задумана и полезна, но оказалась бесполезна, потому что пыталась инвестировать себя через старые неработающие инвестиционные механизмы, вот ее и снесло. И она не имела системного обоснования, что нужно строить. Весь набор программы – набор отраслевого и регионального лоббирования. Нужна понятная логическая схема инвестирования национальной инфраструктуры и инвестирования тех производств, которые будут создавать главные точки роста.

Сергей ДОМНИН, заместитель главного редактора журнала «Эксперт Казахстан»:

Есть данные по активам Нацфонда. У нас ситуация такая, что впервые за 10 лет промежутков, когда Нацфонд сокращается 10 месяцев. Тогда в 2009 году этот промежуток времени составлял 2 месяца, при том, что в 2009 года из Нацфонда выгнали больше денег, чем в 2015-м.

Здесь больше вопрос не в том, сколько выгнали, а об инвестиционной доходности. По итогам 9 месяцев она составила 180 млрд тенге. По концу прошлого года этот доход был 1,8 трлн.

Доля трансферта из Нацфонда в этом году рекордная – 34% – и будет еще расти. В этих условиях хотелось бы, чтобы инвестировали, и чтобы использование средств Нацфонда было более прозрачным. У нас, в отличие от Норвегии, очень маленький отчет. Можно сделать так, чтобы отчетность была более детальной и поквартальной.

Баян ШАПАГАТОВА, DBA (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

Наш Нацфонд сделан именно по модели норвежского фонда. И, несмотря на то, что это просто один счет, в Норвегии это тоже один счет, это не корпорация, не акционерное общество, прозрачность там гораздо выше. Хотя это точно такой же счет и он – пенсионный. Несмотря на то, что это просто счет, его прозрачность самая высокая в мире. Поэтому прозрачности управления можно достичь. Для нас важнее прозрачность использования. Мы по сути дела ничего не должны были терять на этих трансфертах. Ведь это выделяется в качестве кредитов малому и среднему бизнесу, а не грантов.

Инфраструктура – это чистый поток, он уходит, но мы видим результат (железная дорога, аэропорт и т.д.). А та часть, которая идет в качестве кредитования, в тот же Фонд «Даму», по ней нужна полная картина – какой сектор, как ВВП увеличился. Вот эта отчетность нам нужна – по прозрачному использованию.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

Я боюсь, что тогда у нас будут приговоры в тех или иных областях. Я сейчас занялся немного дорогами, и мои некоторые поездки в Талдыкорган заканчиваются не на дорогах, а в районных судах.

Баян ШАПАГАТОВА:

У нас же сейчас можно не сидеть, а заплатить. Все равно это возврат денег в бюджет. Они будут платить тогда штрафы, какая разница. Возврат Нацфонду все равно пойдет.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Очень хорошее, здоровое предложение, потому что, получается, средства обезличены и даже та отчетность, которая есть, не дает детальной картины ответственности. Мы говорим о дефиците информации, но мы говорим и о том, что существует колоссальный дефицит ответственности за использование средств Нацфонда, за распределение средств для бизнеса.

А ответственность вполне можно подвязать к определенной инфраструктуре прозрачности и отчетности. Нужно формировать культуру ответственности через прозрачность и отчетность. Для того чтобы было понятно, что эти деньги вернулись, что была создана добавленная стоимость, такая-то цепочка экономическая увеличена, региональный продукт увеличен, создано столько-то рабочих мест. То есть, чтобы было понятно – вот мультипликатор, он сработал. На самом деле это можно сделать, это все посчитано. Потому что, например, биллборды, которые висят с надписями «в рамках программы было создано 70 тыс. рабочих мест», тоже непонятны – сколько на них потратили денег, может, больше той суммы, которую бы платили этим людям за каждый день, который они дома сидели бы. Вопрос эффективности должен быть обоснованным.

Акимжан АРУПОВ, Ассоциация банков РК, доктор экономических наук:

Назовем это нефтяной фонд, группа счетов или особый счет, но это таблетка от голландской болезни. То есть нужно было каким-то образом излишнюю массу денег куда-то сбросить.

Мне кажется, мы принципиально неправильные вопросы обсуждаем. Эта группа счетов, фонд – второй параллельный бюджет государства.

Мы почему-то считаем, что мы все сильны и сами сможем малый бизнес развивать, ничего подобного. Ни одна страна мира сама по себе ничего не создала. Даже США нельзя назвать независимой страной, потому что от нее на мировом рынке ничего не зависит. Мы должны говорить в целом о мировой экономике.

Вчера наш президент сказал, что будет кризис. После поездок и консультаций с руководителями Китая, США и России. То, что мы обсуждаем, это резервный сосуд, куда мы сбрасываем излишнее давление.

В 2009 году банки получили бюджеты, мы не должны пока делать выводов, потому что время еще не пришло, государство вынуждено было это сделать, иначе рейтинг страны подпадал под очень большой вопрос. Нас могли просто объявить неплатежеспособными.

Вся совокупность казахстанских банков – это один средний европейский банк. У нас не может быть, как в Норвегии, потому что там другое окружение, другой менталитет, другой уровень экономического развития.

Мы должны говорить о том, выполняет ли свою функцию эта группа счетов, счет или фонд. Я думаю, выполняет.

Шамиль ДАУРАНОВ, экономист:

Перегрев экономики произошел от того, что мы использовали больше денег, чем должны были. В этом виноват был тот же Нацфонд, из него же компенсировали.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Мы обсуждаем вопрос, как сделать, чтобы эти деньги прозрачно расходовались. Гражданская позиция должна быть более активная, исходя из того, что этот фонд формируется за счет недр, а недра принадлежат народу.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

Недра принадлежат государству.

Очень интересный вопрос про банки. В России только сегодня прозвучало определение – системообразующий банк. Постановлением Центрального банка РФ выделено 10 банков, к которым с 1 ноября этого года будет применен Базель III (*документ Базельского комитета по банковскому надзору, содержащий методические рекомендации в области банковского регулирования – прим. АГ «Кипр»*). Эти банки названы, названы открытыми их балансы. У нас этих банков 5, они у нас названы, к ним тоже применяется Базель III.

Вопрос эффективности использования, если исходить из нашей программы, я считаю, что единственный путь – это персонализация трансфертов и персонализация ответственности. При этом персонализация трансферта должна быть, если этот трансферт идет на дорогу. Четко должен быть определен оператор программы, будь то местный бюджет и должен быть исполнитель программы, который назван изначально.

Очень важный момент – страхование. Как оценить эффективность средств, выделенных банком – да никак. Вопрос кредитования не к банкам, а к системе.

На тот момент стерилизация нужна была – ее сделали, через Фонд, а могли через стерилизацию бумаг Национального банка, к обязанности покупать длиною в 25 лет. Краткосрочную ликвидность стерилизуем нотами Нацбанка. Но 18 августа ноты Нацбанка, купленные на обменные средства, тут же вылетели и сели отрицательными цифрами на балансах банков. И на конец года у нас с вами эти ноты Национального банка, особенно 25-27 декабря, неизвестно по какой цене уйдут. Потому что сейчас уже 27%, еще добавьте девальвационную составляющую, значит, 25 декабря мы получим как минимум 18% от объема банковского капитала. Здесь вопрос не только в эффективности, вопрос в системности.

Почему бы сейчас из средств Нацбанка не произвести докапитализацию всех предприятий, которые относятся к реальному сектору экономики. Проведите простое валютное финансирование с обратным выкупом, обяжите выпустить облигации на эту сумму.

Баян ШАПАГАТОВА, ДВА (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

С 1 января 2015 года на фондовой бирже малый и средний бизнес может найти финансирование. Для этого нужен только аудиторский отчет.

Руслан ДЖУСАНГАЛИЕВ, директор Республиканского центра правовой помощи:

Это те механизмы, которые позволят поставить под контроль средства. Вливание такого огромного количества ликвидности сейчас, эти \$8 млрд, которые войдут сейчас в экономику, они ей не проедятся. Потому что у нас инвестиции в основные средства за последние 3 года резко упали. А через 5 лет все основные средства начинаем с вами снижать в стоимости, в эффективности. Если нет инвестиций в основной капитал, нет дальнейшего развития предприятия. Очень большая проблема.

Шамиль ДАУРАНОВ, экономист:

Эти инвестиции перестали быть, потому что из кризиса 2009 года мы не вышли и пошли дальше.

Светлана УШАКОВА, директор ОФ «Институт национальных и международных инициатив развития»:

Хотелось бы поделиться с вами точкой зрения гражданского общества. Я пришла к выводу, что проблема заключается в том, что у нас концепция как таковая Нацфонда не была прописана. Мы какие-то крупные мазки сделали, обозначили, что это Фонд будущих поколений, что мы стерилизуем деньги, чтобы не было голландской болезни, что мы будем направлять на диверсификацию. В 2009 году мы готовили 4 выпуска программ для канала «Астана» по нацфондам и изучали эту тему. Изучали и азербайджанский нефтяной нацфонд, концепцию норвежского фонда и сравнивали. У нас не сложилась стратегия, мы до сих пор не понимаем, какой будет стратегия этих денег. Когда-то давным-давно нам сказали, что она будет такой, но кем она устанавливается и пересматривается – там нет представителей гражданского общества. Почему мы не меняем стратегии по Нацфонду? Как мы будем оценивать эффективность стратегии и того, как мы все это решаем и делаем, а потом уже второй шаг. Оценивайте эффективность того, как эти деньги дошли.

Баян ШАПАГАТОВА, ДВА (доктор делового администрирования), MBA, руководитель группы по управлению рисками и комплаенс, программа трансформации АО КТЖ, эксперт-консультант Азиатского банка развития:

Стратегия управления может только быть оценена экспертом из определенного круга людей, который знает портфельное инвестирование. Стратегия использования – к более широкому кругу людей. У нас если бы представители независимых экспертов участвовали в Совете по управлению Нацфондом, тогда бы они могли более активно принимать участие как в стратегии управления (узкие специалисты), так и в стратегии использования (широкий круг специалистов, экономисты). Постоянный конфликт интересов между финансистами и экономистами. Стратегия управления – это финансовая стратегия. Стратегия использования – это экономическая стратегия.

В каждой стране несколько фондов. У нас тоже. Но в них в руководстве не присутствуют независимые эксперты, представители частных компаний. Их наличие дало бы возможность независимой оценки, взгляд со стороны. Например, в Германии есть «пятерка мудрецов» – это известные экономисты и они включаются в управление.

Светлана УШАКОВА, директор ОФ «Институт национальных и международных инициатив развития»:

Стратегия управления и использования не могут быть отделены друг от друга совсем. Они должны быть взаимосвязаны при формировании всех стратегий. Система не выставлена и я не вижу политическую волю к выстраиванию этой системы.

Шамиль ДАУРАНОВ, экономист:

Нужно обязательно отметить, что Фонд создавался для того, чтобы не было голландской болезни, а именно она и была, и потопила экономику РК, ухудшила все показатели.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Безусловно, голландская болезнь у нас была, несмотря на то, что эту денежную массу стерилизовали, когда нефть по \$100-118 была. Не может в Казахстане квартира стоить столько, сколько стоила тогда и сейчас.

Касымхан КАППАРОВ, экономист, директор Национального бюро экономических

исследований:

Первое. Говоря о функции Нацфонда, мы не можем однозначно сказать, выполнил он ее или нет. Но у нас есть статистика, что экспорт минеральных ресурсов занимает половину нашего ВВП. Каждый второй доллар, который зарабатывает наша страна, идет за счет продажи минеральных ресурсов без добавленной стоимости.

Второе. При подготовке работы я читал много материалов и статей. В этом году 15 лет, как был создан Фонд и все это время обсуждаются одни и те же вопросы.

Мой интерес как исследователя заключается в одной гипотезе. Как уже сказали, Нацфонд создавался для решения проблемы голландской болезни. Первый вопрос – выполнил он свою функцию по стерилизации лишней ликвидности экономики, предотвращению перегрева. Однозначно можно сказать – да, положительный эффект был от Нацфонда. Но моя гипотеза заключается в том, что при ухудшении внешних условий, как мы начали тратить Фонд, было больше негативного влияния. В экономике развивается такое понятие как рентоориентированное поведение – это ситуация, когда мы больше ориентируемся на источник легких денег, которые может привлечь в экономику и откладываем на будущее решение насущных проблем.

В той же банковской сфере не было проведено кардинальных реформ, очень насущных, но неприятных мер не было принято, начиная с 2007 года. Что доказывает, почему мы выделили еще один трансферт при цене на баррель \$100. Вся экономическая система оказалась неэффективной и с 2007 года не развивалась. Этот тезис подтверждается последней девальвацией, при которой средняя зарплата упала до уровня 2007 года – \$350. За последние 8 лет экономика не развивалась, не было роста производительности, был рост зарплат, который не подкреплялся ростом производства продукции, несмотря на программы развития несырьевых секторов.

Третий момент. Основная цель работы – показать, почему цель правительства по Нацфонду не будет достигнута к 2020 году. Во-первых, правительство должно это признать. Во-вторых, при сохранении нынешнего статуса-кво, правительство все чаще будет обращаться к Нацфонду за получением этих легких денег. Можно занимать за рубежом, но тогда нужно действительно строить дороги. Это качественно другой уровень институтов.

В этом случае очень высок риск того, что Нацфонд будет сокращаться в абсолютных цифрах, несмотря на поступления. И скорее всего мы его проедем в перспективе 50 лет – при сохранении такой ситуации.

Предлагаю выход: четко прописать в законодательстве целевые трансферты, а именно, на что они могут направляться. Из них очень мало было выделено на развитие человеческого потенциала, улучшения жизни населения. Чтобы у всех агентов экономики было четкое понятие, когда сработают эти подушки безопасности (землетрясения, наводнения, резкое падение цены на нефть). В первую очередь это нужно для правительства для того, чтобы оно начало эффективно работать, в том числе, проводить необходимые реформы.

Ерлан СМАЙЛОВ, модератор:

Целью нашего обсуждения было еще раз поднять вопрос о Нацфонде на базе конкретной работы, с расчетами. Важным для нас является еще раз поднять вопрос о том, что фонд должен работать прозрачно, подотчетно, ответственно. Вот это ключевые составляющие, иначе все эти красиво написанные стратегии не будут реализовываться в тех условиях, в которых мы живем. У нас это удалось. В части рекомендаций – есть предложения экспертов, есть предложения у Касымхана в работе – и по использованию, и по управлению, и про отдельный закон о Нацфонде. В этой части законодательное регулирование необходимо, в том числе, с участием гражданского сообщества, профессионального экспертного сообщества.

Спасибо всем, кто сегодня был.

Видео-трансляция на сайте www.e-event.kz,
текстовые трансляции в социальных сетях
(twitter, FB, instagram, google+), фото, видео и т.д.
#AGKIPR